

1

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с котом Петронием Арбитром жили на старой ферме в штате Коннектикут. Сомневаюсь, сохранился ли дом до сих пор. Он попал в зону ударной волны от Манхэттенского взрыва, а старые каркасные дома горят, как папиросная бумага. Даже если он и выстоял, вряд ли кому придет в голову арендовать его — в тех местах выпали радиоактивные осадки.

Но тогда нас с Питом он вполне устраивал. Водопровода там не было, и поэтому арендную плату не вздували; к тому же комната, служившая нам столовой, выходила окнами на север, а при таком освещении удобно чертить.

Существенным недостатком нашего жилища было множество наружных дверей — двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда старался устроить для него отдельный выход; здесь я вставил в разбитое окно нежилой спальни фанерку и вырезал в ней по ширине Питовых усов кошачий лаз. Слишком много времени я затратил, открывая дверь котам. Как-то я подсчитал,

что с момента своего появления человечество провело за этим занятием девятьсот семьдесят восемь человеко-столетий. Могу показать выкладки.

Обычно Пит пользовался своей дверью, но категорически отказывался выходить через нее, как только выпадал снег. Тогда он принуждал меня открывать ему человеческую дверь.

Еще пушистым шустрым котенком Пит выработал для себя простую философию, в соответствии с которой я должен был отвечать за жилье, пищу и погоду, а он — за все остальное. Особая ответственность, считал он, лежала на мне за погоду. А вы знаете, что зимы в Коннектикуте хороши только разве что на рождественских открытках.

Той зимой Пит взял за правило подходить к своей двери, обнюхивать ее — и поворачивать обратно. Его, видите ли, не устраивало противное белое вещество, покрывавшее землю и все вокруг. Он начинал приставать ко мне, чтобы я открыл ему человеческую дверь, ибо был твердо убежден: хоть одна из дверей да должна открываться в лето. Поэтому всякий раз мне приходилось обходить вместе с ним все одиннадцать дверей и приоткрывать их по очереди, дабы он убедился, что за каждой из них та же зима. И с каждым новым разочарованием росло его недовольство мною.

И все-таки он оставался дома до тех пор, пока гидравлика естества не понуждала его выходить наружу. Когда он возвращался, льдинки

на лапах стучали по полу, словно башмаки на деревянной подошве. Он свирепо посматривал на меня и отказывался мурлыкать, пока не слизывал льдинки, после чего милостиво прощал меня — до следующего раза. Но он никогда не прекращал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее. Мои попытки были столь же тщетны, как и Питовы тогда, в Коннектикуте. Хотя в Южной Калифорнии сохранилось еще немного снега, на радость лыжникам, но над Лос-Анджелесом его поглощал смог. А в сердце у меня была настоящая зима.

На здоровье я не жаловался (разве что голова побаливала с похмелья). Мне еще не стукнуло тридцати, и денежные дела у меня были в порядке. За мной никто не гнался: ни разгневанные мужья, ни полиция, ни судебные исполнители — словом, мне ни перед кем ни в чем не нужно было оправдываться. Но в сердце у меня все равно была зима, и я искал Дверь в Лето. И не потому, что я так уж жалел себя. В конце концов, больше трех миллиардов человек на планете находились в худшем положении. Но тем не менее Дверь в Лето искал я один.

Почти все двери, что встречались на моем жизненном пути, походили на «вертушку», перед которой я сейчас стоял. Она вела, если верить вывеске, в гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел, выбрал кабинку неподалеку от входа, с превеликой осторожностью поставил на сиденье объ-

емистую сумку и примостился рядом, поджидая официанта.

— А я у-у? — спросила сумка.

— Успокойся, Пит, — отвечал я.

— М-я-а-а!

— Не дури, не так уж долго ты сидишь в сумке. И закрой пасть, официант идет.

Пит замолк. Когда я поднял голову, официант уже наклонился над столиком.

— Двойной «скотч», стакан воды и бутылочку имбирного пива.

— Имбирного пива, сэр? С виски-то? — Официант недоуменно уставился на меня.

— Есть у вас имбирное пиво или нет?

— Почему нет, есть, конечно. Но...

— Тогда несите. Я, может, занюхивать им буду. И прихватите блюдце.

— Как угодно, сэр. — Он протер столик. — А как насчет бифштекса, сэр? Или, может, устриц желаете? Сегодня устрицы хороши...

— Послушайте, приятель! Если обещаете не приносить устриц, я включу их стоимость в чаевые. Все, что мне надо, уже заказано... И не забудьте блюдце.

Он наконец заткнулся и ушел. Я еще предупредил Пита, чтоб не дергался, — морская пехота не подведет. Вернулся официант: чтобы сохранить уважение к себе, бутылку пива он нес на блюдце. Пока он открывал пиво, я успел смешать виски с водой.

— Принести стакан под пиво, сэр?

— Зачем? Я ведь настоящий ковбой с Дикого Запада — пью только из горла.

Он больше не стал лезть ко мне с разговорами. Но включить в счет устрицы не забыл да еще позволил дать себе на чай. Едва он убрался, я налил в блюдце пива и постучал по сумке:

— Кушать подано, Питер.

Сумка была открыта. Когда я ношу в ней Пита, то никогда не застегиваю молнию. Пит когтями раздвинул края сумки, высунул голову и быстро огляделся. Потом вылез и оперся передними лапами о край стола. Мы переглянулись, и я поднял стакан:

— За слабый пол, Пит! Чтоб вовремя встретить и вовремя расстаться!

Он молча кивнул в ответ — это вполне соответствовало его собственной философии. Потом изящно наклонил голову и принялся лакать пиво.

— Если такое, конечно, возможно, — добавил я и сделал приличный глоток.

Пит не ответил. Какое ему дело до расставаний — он был холостяком по призванию.

На другой стороне улицы, как раз напротив окна бара, бежали буквы рекламы. Сперва они складывались в слова: «Ты спишь, а служба идет», потом появилось: «Окунись в сон, и все беды вон!» Затем загорелись буквы вдвое больше прежних:

КОМПАНИЯ ВСЕОБЩЕГО СТРАХОВАНИЯ

Я прочитал рекламу трижды, не вникая в смысл. О замораживании, точнее, о сне в холоде я знал немного. Когда начались первые опыты

по замораживанию, мне попала статья на эту тему в каком-то популярном журнале. Да еще раза два или три в неделю с утренней почтой мне поступали рекламные проспекты страховых компаний. Я их выбрасывал не глядя — нужны они мне были как рыбе зонтик.

Прежде всего, до недавнего времени за сон в холоде — а стоил он недешево — я и заплатить не смог бы. Во-вторых, с какой стати человеку, который увлечен работой, умеет делать деньги и надеется, что вскоре их у него станет еще больше, да к тому же влюбленному и, можно сказать, почти женатому, — с какой стати ему, спрашиваю я вас, становиться наполовину самоубийцей?

Другое дело, если человек неизлечимо болен и приговорен врачами к смерти, но считает, что медицина будущего спасет его. К тому же он в состоянии оплатить сон в холоде на тот срок, пока врачи не научатся исцелять его недуг. Тогда, конечно, игра стоит свеч. Или, скажем, человек мечтает совершить путешествие на Марс. Он полагает, что если перевернет страницы своей книги судеб на одно поколение вперед, то получит возможность купить билет на рейс Земля — Марс. В этом, я считаю, тоже есть своя логика. В какой-то газете была статья об одной парочке, которая прямо из-под венца отправилась в Храм Сна Западной страховой компании. Они заявили журналисту, что оставили распоряжение разбудить их, только когда станет возможным провести медовый месяц на межпланетном

лайнере... Я сильно подозреваю, что это всего лишь рекламный трюк страховой компании; парочка же, получив гонорар, смылась через черный ход, заблаговременно изменив фамилии. Да и кто поверит, что нашлись бы желающие провести свою первую брачную ночь в ящике со льдом, словно какая-нибудь замороженная скумбрия?

Все страховые компании откровенно заманивали клиентов, напирая, как правило, на финансовую сторону дела: «Ты спишь, а служба идет» (читай: «И денежки тоже!»). Лежите, мол, себе спокойно, а ваши скромные сбережения за время сна превратятся в целое состояние. Положим, вам пятьдесят пять лет, и из пенсионного фонда вы получаете пару сотен в месяц. Так почему бы вам не проспать полсотни лет, проснуться в том же возрасте и получать уже ежемесячно тысячу! Не говоря о том, что пробудились бы вы в новом светлом мире, где наверняка вам будет уготовано жить еще долгие годы припеваючи в добром здравии.

Компании повели настоящее рекламное наступление на город. Причем каждая стремилась с помощью «точных подсчетов» доказать, что страховки именно этой компании дадут в будущем самый большой процент прибыли: «Ты спишь, а служба идет!»

Меня подобные грядущие блага несколько не интересовали: мне еще не стукнуло пятидесяти пяти, оставлять работу я не собирался и ничего плохого в 1970 году не ожидал. Не инте-

ресовали до недавнего времени — так будет вернее. А теперь — нравилось мне или нет — меня лишили работы; вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, я торчал во второразрядном кафе и, чтобы забыться, глушил виски, а жену мне заменял насмерть перепуганный кот с болезненной тягой к имбирному пиву. В настоящее время у меня не было никаких привязанностей, да и к чему они мне? Я бы их все променял на ящик джина, а потом одну за другой опустошил бутылки.

Но самообладания я не терял.

Из кармана пиджака я вытащил конверт и открыл его. В нем лежали две бумаги: одна — заверенный чек на сумму, которую я раньше и представить-то себе не мог, не то что держать в руках; другая — заверенный в банке список акций «Горничная инкорпорейтед». Обе бумаги были слегка помяты: я таскал их в кармане с тех пор, как получил.

Так почему бы и нет?

Почему бы мне не залечь, не окунуться в сон, чтобы беды вон? Все лучше, чем Иностраннный легион или настоящее самоубийство! По крайней мере, я избавился бы от тех, кто сделал мою жизнь невыносимой. Так почему бы и не залечь?

Нет, к богатству я не стремился. Конечно, я читал «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, читал как хорошую классику. Это уже потом страховые компании стали раздавать книгу в целях рекламы бесплатно. Я понимал, к чему

может привести погоня за большими процентами и тяга к обогащению. Но я и не был уверен, хватит ли у меня средств оплатить долгий сон да к тому же открыть счет, который обеспечит мне в будущем безбедное существование.

Меня больше прельщала другая сторона дела — лечь баиньки и проснуться, если так можно выразиться, в ином мире. Будет ли он лучше, как уверяют страховые компании, или хуже — кто знает? Но что иной — уж точно.

Я должен быть твердо уверен, что просплю достаточно долго и, когда проснусь, уже не застаю в этом мире ни Белл, ни Майлза Джентри. Прежде всего Белл Даркин. Умри она — я бы забыл ее, забыл все, что она мне сделала, вычеркнул бы из памяти. А теперь вот у меня сердце заходится оттого, что она всего в нескольких милях отсюда.

Что ж, прикинем. Белл сейчас двадцать три — во всяком случае, она так утверждает. Правда, однажды она проговорила, что помнит президентство Рузвельта. Ладно, пусть ей еще нет тридцати. Если проспять лет семьдесят, от нее один некролог останется. Пусть будет семьдесят пять — для верности.

А успехи в гериатрии? Толкуют, что скоро продолжительность жизни достигнет ста двадцати лет и такой возраст, мол, вполне достигим.

А может, залечь годков на сто, — правда, я не уверен, в состоянии ли хоть одна страховая компания предложить мне столь длительный

анабиоз. Тут под воздействием виски мне в голову пришла поистине дьявольская мысль: все не обязательно дожидаться смерти Белл. Если я стану, скажем, лет на тридцать моложе ее, то сделаю остаток жизни моей бывшей возлюбленной просто невыносимым. Лучшей мести женщине и не придумать!

Я почувствовал легкое прикосновение лапы.

— Ма-а-ло! — объявил Пит.

— Ненасытное брюхо, — проворчал я и вновь наполнил блюдце пивом.

В знак благодарности он немного помедлил, потом вновь принялся жадно лакать. Но он уже прервал поток сладостно-мстительных мыслей. Да, а что, черт побери, мне делать с Питом? Кот — не собака, его в чужие руки не отдашь; он попросту такого не вынесет. Кошки остаются домашними животными, но Пит не таков. Для него с тех самых пор, как девять лет тому назад его отняли от матери, единственной опорой в нашем изменчивом мире был я. Даже в армии я умудрялся держать его при себе и ради этого шел на любые ухищрения. Пит пребывал в добром здравии и, похоже, сдавать не собирался, хотя шрамов у него хватало. Сообразовай он склонность к лидерству со своими возможностями — ему еще лет пять выходить победителем из всех драк и плодить потомство.

Я мог бы, конечно, оплатить содержание в кошачьем пансионе до конца его дней (невероятно!); мог бы усыпить его (вовсе невероятно!)

или выбросить его на улицу (совсем уж невероятно!). С кошками всегда так: или вы безропотно выполняете принятые на себя обязательства — или бросаете беднягу на произвол судьбы, обрекая на одичание, и разрушаете его веру в высшую справедливость. Как Белл разрушила мою веру.

Так-так, Дэнни. Об этом лучше не вспоминать. Нечего киснуть, ты ведь не укроп моченый; все равно придется выполнять те самые принятые на себя обязательства перед избалованным котом.

Тут мои философские размышления были прерваны. Пиво попало Питу в нос, и он чихнул.

— Gesundheit!¹ — сказал я. — И не старайся вылакать все блюдце за один присест.

Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом — и знал об этом.

Наш официант околачивался возле кассы и трепался с кассиром. Наступило послеобеденное затишье, и, кроме нас с Питом, еще несколько посетителей сидели у стойки. Когда я сказал «Gesundheit!», официант взглянул в нашу сторону и что-то сказал кассиру. Тот вышел из-за стойки и направился к нам.

— Полундра! — тихо скомандовал я.

Пит огляделся и нырнул в сумку, которую я тут же прикрыл. Кассир подошел, облокотил-

¹ Будь здоров! (нем.)

ся на столик и быстрым взглядом окинул всю кабинку.

— Извините, приятель, — категоричным тоном начал он, — но кошку вам придется отсюда убрать.

— Какую кошку?

— Ту самую, что вы поили из блюдца.

— Не вижу никакой кошки.

Он нагнулся и заглянул под столик.

— Вы засунули ее в сумку, — уличил он меня.

— В сумку? Кошку? — недоуменно переспросил я. — Мой друг, вы страдаете острой фигуральностью речи.

— Что? Говорите со мной по-человечески. Кошка у вас в сумке. Откройте-ка ее.

— Есть у вас ордер на обыск?

— Слушайте, бросьте придуриваться!

— Это вы валяете дурака, требуя осмотра моей сумки без ордера на обыск. Однажды Четвертую поправку нарушили и поплатились многолетней войной. Ну, как я понимаю, вопрос урегулирован. Передайте, пожалуйста, официанту, чтобы он повторил заказ, или организуйте все сами.

Он, похоже, обиделся.

— Друг, я ведь против тебя ничего лично не имею, но терять лицензию мне неохота. Видишь, вон там, на стене, табличка. На ней ясно написано: «Посетители с кошками и собаками не обслуживаются». Мы стремимся к соблюдению правил гигиены в нашем заведении.

— Плохо стремитесь. — Я посмотрел на свет стакан. — Видите следы губной помады? Вам бы следовало получше присматривать за посудомойкой, а не обыскивать посетителей.

— Не вижу никакой помады.

— Она почти вся стерлась, пока я пил. Вот отправим стакан в Санитарное управление, пусть они там микробов посчитают.

— Вы что, полицейский?

— Нет.

— Тогда мы поладим. Я не буду обыскивать вашу сумку, а вы не потянете меня в Санитарное управление. А если хотите еще выпить, подойдите к стойке, возьмите что надо... с собой. Только не пейте здесь. — Он развернулся и направился к кассе.

Я пожал плечами:

— Мы как раз собирались уходить.

Я поднялся, подхватил сумку и поплелся к выходу. Когда я проходил мимо стойки бара, кассир спросил:

— Не обиделись на меня?

— Ничуть. Правда, я собирался выпить на днях здесь со своим конем. Теперь не приду.

— Как вам угодно. В правилах о лошадях ничего не говорится. Вот только еще один вопрос: что, ваша кошка действительно пьет имбирное пиво?

— О Четвертой поправке помните?

— Да я же не кошку прошу показать. Просто интересно узнать...

— Ладно, так и быть, скажу. Вообще-то, он предпочитает, когда пиво разбавляют чем-нибудь покрепче. Ну, если придется, пьет и неразбавленное.

— Да? Вряд ли такой коктейль пойдет на пользу его почкам. Взгляните-ка сюда, приятель.

— Куда-куда?

— Нагнитесь немного. Теперь поднимите голову и посмотрите на потолок. Над каждой кабинкой среди потолочных украшений — зеркальца. Видите? Я знал, что вы пришли с котом, потому что видел его отражение в зеркале.

Я выгнулся, как он сказал, и взглянул вверх. На потолке среди разной мишуры были спрятаны кусочки зеркала. Они располагались под таким углом, что с места кассира весь зал просматривался, как в перископ.

— Мы вынуждены были так сделать. — Он словно бы оправдывался. — Вы не представляете себе, что творилось бы в кабинах, не присматривай мы за клиентами. Я вам вот что скажу: мир полон скверны.

— Аминь, друг, — завершил я нашу содержательную беседу и направился к двери.

Очутившись на улице, я раскрыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит тут же высунул голову.

— Пит, ты ведь слышал, что сказал кассир: «Мир полон скверны». Да он ею заполнен до краев, если приятели не могут спокойно, без слежки, пропустить стаканчик. Считаю, вопрос решен.

— С-р-а-а-з-у-у? — спросил Пит.

— Как скажешь. Но если уж решили, зачем откладывать?

— С-р-а-а-з-у-у! — согласился Пит.

— Принято единогласно. То, что нам надо, — напротив. Только улицу перейти.

Секретарша в приемной Компании всеобщего страхования являла собой превосходный образец совершенного функционального дизайна. Обтекаемость основных форм (хоть сейчас разгоняй до скорости 4М) дополняли установленные с фронтальной части вершинами конусов наружу радары наведения на цель... ну и все прочее, что требовалось для выполнения ее основного жизненного предназначения. Мне даже пришлось себя одернуть: ведь к тому времени, когда я отсюда выйду, от нее ничего, кроме атмосферных помех, не останется... Я сказал ей, что хочу приобрести у них полис.

— Располагайтесь, пожалуйста, — завибрировала она. — Сейчас взгляну, кто из администраторов свободен.

Не успел я расположиться, как она возникла опять:

— Вас примет наш мистер Пауэлл. Пройдите сюда, пожалуйста.

Обстановка в кабинете «нашего мистера Пауэлла» наводила на мысль, что дела в компании идут в гору. Мистер Пауэлл подал мне свою влажную руку, усадил в кресло и предложил сигарету. Он попытался взять у меня из рук сумку, но я вцепился в нее мертвой хваткой.

— Итак, сэ, чем могу служить?

— Мне нужен долгий сон.

Брови мистера Пауэлла медленно поползли вверх, на лице появилось выражение почтительности. Знаю я, как это делается: Всеобщая выписывает клиенту полис за семь с полтиной, а долгий сон дает им возможность наложить свою жирную лапу на все его имущество.

— Весьма мудрое решение, — чуть ли не благоговейно откликнулся мистер Пауэлл. — Будь я свободен в выборе решения, то поступил бы так же. Но... ответственность за семью, знаете ли...

Он взял со стола бланк.

— Клиенты, выбравшие «сон», обычно спешат. Позвольте сэкономить ваше время и не беспокоить заполнением бумаг. Я сам все сделаю... И мы сразу же устроим, чтобы вас осмотрел врач.

— Минутку.

— Да?

— Только один вопрос. Можете ли вы обеспечить сон в холоде коту?

На его лице появилось выражение сначала удивления, потом обиды.

— Вы, конечно, шутите?

Я приоткрыл сумку, и Пит тут же высунул голову.

— Знакомьтесь, мой кореш. Итак, что скажете? Если нет, мы обратимся в страховую компанию «Центральная долина». Их контора в этом же здании, не так ли?